

Мы с мужем, после окончания института, работали в Хорезме. Центральное Управление базировалось в Ташкенте, и нам регулярно приходилось бывать в командировках в столице. Обычно дорога занимала не больше одного часа полета рейсовым самолетом Аэрофлота. Но однажды, собираясь в очередной раз в Ташкент, решили ехать всей семьей, с нашим маленьким сыном, на только что купленной вишневой «Ладе», в которую я влюбилась с первого взгляда.

Причиной этого решения была ВЕСНА и ее удивительное проявление на просторах великой пустыни Кара-Кум, по которой надо проехать более трехсот километров до красавицы Бухары. Нам предстояло увидеть настоящее чудо – цветение саксаула, им можно насладиться в течение очень короткого времени, не более пяти дней в году.

И вот, после недолгих сборов, путешествие началось! Оно казалось волшебным! Оттенки цветущего саксаула поражали воображение: от белого или нежно-розового до насыщенного гранатового цвета. Кусты усыпаны бархатными шариками, похожими по форме на соцветия мимозы. Косматые ветви свисали пучками, как зеленая пряжа, отбрасывая на песок узорчатую полутень. Цвела и верблюжья колючка – вечная спутница саксаула. Это было благодатное время для сбора пчелами целебного меда с ее цветков. Уникален древний способ выращивания дынь: пророщенные семена помещали в расщелины стволов верблюжьей колючки. Корни, уходящие глубоко в землю и питающие водой растения, делились живительной влагой и с семенами дынь. Хорезмские дыни известны во всем мире!

Погода стояла чудесная. Время позволяло не спешить. Несколько раз останавливались, уходили к барханам, получая огромное удовольствие

от цветущих просторов, чистейшего воздуха и пения птиц, высоко-высоко в безоблачном небе. Незадолго до заката, мы ощутили не очень комфортные перемены - воздух загустел, отяжелел, линия горизонта исчезла, само солнце, так весело сиявшее совсем недавно, теперь выглядело мутным размытым пятном сквозь завесу пыли. На мгновение природа как бы замерла, затаилась и наступила зловещая тишина. Четверть часа спустя, словно вырвавшись из-под земли, возникла огромная воронка из песка, растений и каких-то предметов. Она с воем носилась из стороны в сторону: то выходила прямо на трассу, то изгибаясь, удалялась, будто желая притянуть в свои объятия все, что находилось рядом.

Барханы ожили. Песок стремительно набегал на асфальт, закрывая полотно, бился о стекла автомобиля. Мы медленно погружались в непроглядную мглу. Неожиданные раскаты грома вселили в нас надежду на обильный дождь. Но ветер усилился, и мощные стрелы молний пронзали небо и землю все чаще и чаще. Гроза неистовствовала, не уронив ни единой капли. Такое явление называют «сухой грозой» и оно нередко случается в Каракумах. Стихия наводила ужас, заставляя нас чувствовать себя потерянными и беззащитными.

Двигатель автомобиля начал перегреваться и вскоре заглох. Машина не заводилась... Из-за соседнего бархана мелькнул луч света. Муж попросил взять сына и отойти подальше. Сам быстро снял рубаху и стал ею размахивать. Это не помогло, на предельной скорости грузовик с прицепом пронесся мимо, едва не задев нашу "легковушку". Мы вернулись к машине: ничего не оставалось, как дожидаться рассвета. Через пару часов свет фар снова пробился сквозь тьму. Подъехав к нам, старенький «Москвич» остановился. Водителем оказался молодой человек невысокого роста и щуплого телосложения. Муж пошел навстречу.

– Ассалом алейкум, ака, – уважительно поздоровался парень, держа в руках огромный фонарь, – что случилось?

– Здравствуй. Трудно сказать, ничего не видно.

Оба заглянули под капот и через минуту достали разорванный ремень охлаждения.

– Я не смогу Вас взять на буксир, моя машина легче вашей, да и песок мешает. Здесь неподалеку пост ГАИ, расскажу им о вашей беде и что-нибудь придумаем, – уезжая, пообещал он.

– Как тебя зовут? – спросил муж.

– Палван, – немного смутившись, ответил он.

Его смущение понятно: Палван – в переводе с узбекского, означает "богатырь".

Мы опять остались одни. Буря несколько успокоилась. Вдали показался автомобиль. Из него вышли двое: Палван и дежурный сотрудник. Они привезли новый ремень, необходимые инструменты, помогли установить его на место. Песочный плен закончился. Быстро добрались до поста ГАИ, где нас ждал горячий чай. Я достала сыр, ватрушки и булочки с изюмом, накормила всех завтраком.

Прощаясь, муж протянул деньги Палвану, желая расплатиться за ремень, но тот отказался.

– А если бы у меня случилась поломка ночью, в грозу и со мной был бы ребенок, Вы бы не остановились, чтобы помочь?

– Обязательно бы остановился. Вот мой номер телефона, звоните, приезжайте в гости, друзья, будем рады!

К часам шести утра мы добрались до окраины Навои. Город только начал просыпаться. Остановились возле небольшого ухоженного дома с колонкой для воды. Умылись. Требовался отдых. Я взяла сына, мы уселись на зеленой траве. Из соседнего дома вышла молодая женщина с веником и начала тщательно подметать тротуар и площадку под цветущим черешневым деревом, напевая при этом мелодичную песенку. Закончив уборку, хозяйка вынесла одеяло и расстелила его в тени. Затем принесла достархан (скатерть), лепешки, вазочку с карамельками и наватом (кристаллы вареного сахара), пузатый цветастый чайник.

– Сестра, пойдете, попейте чая, - радушно улыбаясь, она обратилась к нам.

– Спасибо огромное, не стоило беспокоиться.

Но отказать – значит обидеть человека. По узбекскому обычаю, в знак уважения, даже если ты не голоден, надо выпить пиалу чая и съесть кусок лепешки.

– Никакого беспокойства. Вы с дороги, издалека. Зовите мужа.

Мы расселись вокруг достархана. Традиционно заваренный узбекский зеленый чай, лепешка, только что из тандыра (глиняная печь), хрустящая, пахнувшая дымком, вприкуску с сахаром - ничего вкуснее не бывает! Время пролетело быстро, пора трогаться в путь. Я угостила Марьям (так звали девушку) своими пирогами, стали прощаться. Она высыпала на лепешку нават, конфеты, завязала достархан узелком и протянула его нам.

– Возьмите. До Ташкента еще далеко, а у путника всегда должен быть хлеб.

Мы обнялись, как старые добрые друзья, машина тронулась, а Марьям еще долго стояла под черешней и махала рукой.

К горлу подступил ком. Я не могла сдержать слез и не могла объяснить этого состояния. Хотя, немного позже, разобралась в своих чувствах, когда вспомнила рассказ моей бабушки о том, как в 30-е годы, спасаясь от страшного голода на Алтае, она с тремя маленькими детьми, поездом, поехала в Ташкент, услышав от кого-то, что "там хоть хлеба вволю".

Не доехав до заветного места 300 километров, ночью обнаружила, что весь скромный скарб украли, стоило немного задремать - первый раз за несколько суток пути. Вечно пьяный красномордый проводник высадил ее на первой же станции. Ночь. Метель. На пустынной платформе скрипел на ветру один единственный фонарь. Где-то, совсем рядом, надрывно лаяли собаки. Держа на руках трехлетнюю дочь – мою будущую маму, она, обливаясь горячими слезами, побрела по заснеженной улице, куда глаза глядят. Сонные мальчишки, не понимая, что происходит, плелись по следам матери, загребая растоптанными ботинками снег. Они шли в «никуда», без еды и гроша в кармане.

К рассвету, выбившись из сил, решили отдохнуть на завалинке около дома, больше походившего на сарай. Залаял старый пес. Вышла хозяйка - красивая узбечка с молодым лицом и совершенно седой головой.

– Ты что здесь сидишь? Зайди в дом. Детей заморозишь! – строго сказала она.

Жилье состояло из одной комнаты: земляные полы, темные глазницы двух крохотных окон едва пропускали свет. Несколько тонких курпачей (стеганых матрасиков ручной работы) лежали на полу. Столик, на коротких ножках, стоял посередине комнаты рядом с проржавевшей печкой – буржуйкой. В углу - ведро с водой, покрытой тонкой коркой льда.

Хозяйку звали Мехри, как выяснилось много позже, это имя на узбекском языке означало душевность и заботу. Она принесла охапку хвороста, растопила печь, развесила сушить ребячью одежду, вскипятила чайник. Полстакана молока разлила в три пиалы, добавив кипятка, кусок хлеба разломил на три части, все отдала детям. Как оказалось, это были последние продукты в доме. Согрившись кипятком, уложив детей спать, женщины ушли в поисках работы и какого-то пропитания. Бабушка умела шить. Мехри смогла купить два отреза ткани. К следующему утру одно платье подготовили к продаже. Теперь

его нужно продать тайно, ибо за торговлю новыми вещами можно угодить за решетку. Но как-то судьба оберегала тружениц и совсем скоро, в доме появились новая печь, швейная машинка, деревянные полы, а главное - никто не голодал.

В одну из ночей, за пошивом очередного платья, Мехри поведала бабушке о своем горе: гибели мужа и сына и о потере интереса к жизни. Но теперь, вернулось желание жить и она, со всей щедростью души, отдавала нерастраченную материнскую любовь детям, неожиданно появившимся в ее осиротевшем доме. Так, трудности военных лет преодолели вместе.

Неизвестно, сколько эвакуированных ребят приняли и окружили заботой семьи в Средней Азии. Делились последним с беженцами, не делая разницы между своими и чужими детьми. Чужих не было! Скромная трапеза, в основном состоявшая из хлеба и кипятка, делилась поровну. Любовью и лаской лечили искалеченные войной и лишениями детские души.

Когда-то, очень давно, Мехри не дала замерзнуть на улице молодой матери с тремя детьми, спасла ИХ жизни, а косвенно - и мою. Бабушка и Мехри дружили, помогая друг другу, всю жизнь. Ее поступок, без преувеличения, можно считать подвигом. Но вряд ли она сама так думала. Ею двигали материнский инстинкт и женское естество. И помня рассказ о куске лепешки, отданного голодным незнакомым детям, я никогда не могу пройти мимо хлеба, кем-то неуважительно брошенного под ноги.

Вот и Ташкент – солнечный, шумный, бесконечно гостеприимный город. Встреча с ним, как и в первый раз, тридцать лет тому назад, всегда глубоко трогает, вызывает чувство начала чего-то нового и доброго. У меня есть мечта, – показать этот удивительный город и страну своему внуку, и я ее когда-нибудь осуществлю. Расскажу ему о Полване – парне, не вышедшем ростом, но с большим и отзывчивым сердцем богатыря, о Марьям, с голосом, как весенний ручей, приводившей в порядок свой дом. А дом – это частица планеты, а планета, как считал Маленький Принц, «должна быть чистой».